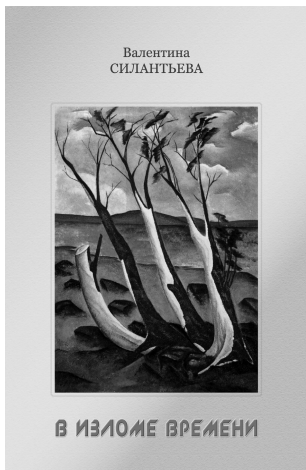

РЕЦЕНЗІЇ*Наталія Малютина***В ПЛЕНУ ЭЛЕГИЧЕСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ**

Рец.: Силантьева В. В изломе времени. Стихи филолога : в двух книгах / Валентина Силантьева. — Одесса : Астропринт, 2011. — Кн. 1. — 144 с.; Кн. 2. — 128 с.

Стихи настоящего филолога — это не только особый взгляд на мир, запечатлённый в пластичных образах и выверенной метрике, это ещё и уникальный способ, сказав про других, выразить Себя. Профессору Одесского университета имени И. И. Мечникова, заведующей кафедрой зарубежной литературы факультета романо-германской филологии, доктору филологических наук Валентине Ивановне Силантьевой удалось передать тонкие грани преломления классической русской лирики

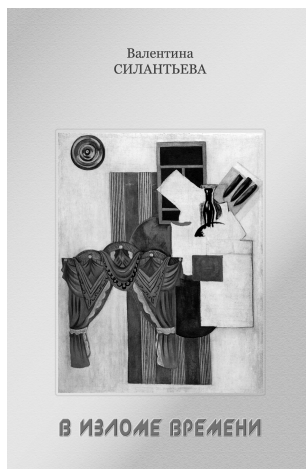
в очень личном, почти исповедальном переживании своего жизненного пути, опыта и тех новых сфер познания, которые открываются только ищущим.

Стремление «пропустить мир» сквозь призму восприятия и отражения своего «Я» придаёт субъекту лирического высказывания черты элегичности. Возникает особая тональность поэтического переживания, заявляющая об обращённости взгляда лирического героя на себя. А отсюда — диалогическое двуязычие и двоemiрие, которое ассоциируется с тючевским словом, о котором С. Н. Бройтман писал следующее: «Элегический субъект стихотворения делает

переживаемую бытийную ситуацию предметом полноценного эстетического созерцания и тем самым замещает собой ту ситуацию, о которой говорится [1, с. 122].

Стихи филолога также можно квалифицировать как особый жанр, пронизанный непрерывной диалогичностью поэтических сознаний. Это не просто диалог с классикой, это постижение жизни и себя через классическую русскую поэзию. Циклы «Я в профессии», «Собеседники» построены автором так, что очень личностная презентация поэта (А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. Ахматовой, Булата Окуджавы), когда в нескольких предложениях сказано главное, включает несколько знаковых поэзий, которые «прорастают» новой поэтической плотью — и рождается стихотворение, сохраняющее ощущение есенинского, пушкинского, ахматовского мира. О Николае Заболоцком в цикле «Собеседники» сказано следующее: «Н. А. Заболоцкий (1903–1958) представляет ту когорту молодых поэтов, которые пришли в литературу после событий 1917 года. Воспитанные элитарной поэзией начала века, они были страстными новаторами и великолепно владели формой. Ему был интересен Велимир Хлебников и обэриуты Хармс, Введенский, Вагинов. Увлечение живописью Филонова, Шагала сделало почерк Заболоцкого графически строгим и откровенно авангардным. «Детскость» мироощущения, близкая примитивисту Анри Руссо, определила ритм его «столбцов...». Мне невероятно близко ощущение целостности мира, свойственное молодому поэту Заболоцкому» [2, кн. 1, с. 45].

Далее следует всем известное стихотворение «Животные не спят. Они во тьме ночной стоят над миром каменной стеной», строки из которого «Ночь глубока. На тёмном небосклоне вос-

ходят звёзд соединенья» послужили эпиграфом для нового лирического откровения:

Я помню откровенье этих глав,
 Сошедших на меня:
 В огромном мирозданье,
 Среди людей, зверей и трав —
 Лицо Коня

 И в пластике вот этого раденья,
 Всепрорастания и единенья
 Небес, земных пространств и вод,
 Опять передо мной встаёт,
 Своей нездешностью волнуя и маня,
 Лик Заболоцкого Коня [2, кн. 1, с. 47].

Сквозь поэтические строки прорывается отчетливая ностальгия по немодному ныне чувству к родной стране (даже учитывая, что каждый и тогда и теперь — вкладывает в это чувство разное понимание). В атмосфере обаяния светловской «Гренады» возникают шемящие нотки:

Любить бы тебе, как и мне, как и всем
 Родную страну, но — другую совсем [2, кн. 1, с. 51].

Чувство «Малой Родины» в стихотворениях В. И. Силантьевой имеет конкретную адресацию: во всем ощущается связь с поэтическим краем под названием Вилково, где прошли её детство и ранняя юность (циклы «Страна Липованя», «Воспоминания» (Кн.1), «Над Ериком проточным» (Кн.2).

Стихотворения цикла «Страна Липованя» (2004–2010) из 2-й книги как столбовые вёрсты, отмечают этапы жизненного пути: «Предки», «Детские впечатления», «Юность и теплоход «Белинский», «Школьные обиды в контексте времени», «Память», «Ностальгия». Перенесение в прошлое рождает философские строки.

Предвидение

Перечёркнутый мостиком ерик,
 Углый берег, запущенный сад,
 Рвёт старуха просевшие двери —
 Это я, это я, это я?

Сохрани мя, Господи, от видений,
Одинокством не испугай.
Рвёт старуха просевшие двери?
Скажем так: бытия, бытия [2, кн. 2, с. 94].

Среди постоянных спутников лирической героини — писатели, поэты, художники, музыканты, её друзья и коллеги, дети, внучка.

Постоянным объектом исповедального обращения является образ многоликой Одессы, с её ожидаемой летней жарой и с неожиданностью зим. Сквозь восхищение и (отчасти) иронию, направленную, скажем, на переживание летнего зноя, прорываются ностальгические нотки: где-то в прошлом, «за-нозой в памяти» осталось сказочное Подунавье.

Мотив ожидания чуда возникает постоянно в пространстве творческих поисков и надежд. Даже мир родного факультета ассоциируется со сказкой.

Надежд и красоты нетленной
(О, как возвышен сей напев):
Придется мне принцессой и в карете
Примчаться к факультету, все презрев [2, кн. 2, с. 78].

Особым чувством душевной близости, благодарности и сопричастности проникнуты «Посвящения», адресованные «здравствующим и дорогим людям» и тем, кого с нами уже нет, — «памяти Виктора Георгиевича Зинченко». Именно им, любимым и понимающим, тем, кто её слышит и уже не услышит, Валентина Ивановна Силантьева многозначительно обещает:

Вниз по течению — не поплывём.

Её слову веришь, как привыкла и я верить ещё со студенческой скамьи, когда Валентина Ивановна анализировала «Степь» А. Чехова. А ещё поэтическое слово оживает в живописных иллюстрациях, которыми щедро украшены оба тома: использованы фотокопии живописи и графики художников, творчество которых отражает мотивы лирики (Н. Гончаровой, Ю. Ракши, М. Добужинского, Н. Рушевой, А. Матисса...).

Пусть стихи, несущие состояние «излома времени», найдут понимание и среди тех, кто относится к этому же поколению,

и среди тех, кто живёт в иное время. Автору же хочется пожелать, чтобы не покидало её желание делиться выстраданным, не уставала душа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бройтман С. Н. К проблеме диалога в лирике Тютчева / С. Бройтман // Типологические категории в анализе литературного произведения как целого. — Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1983. — С. 119–128.
2. Силантьева В. В изломе времени. Стихи филолога : в двух книгах / Валентина Силантьева. — Одесса : Астропринт, 2011. — Кн. 1. — 144 с.; Кн. 2. — 128 с.

Стаття надійшла до редакції 12 листопада 2013 р.